

Денис
Драгунский

Денис
Драгунский

Почти
родственники

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6
Д72

Художник Ирина Драгунская

Драгунский, Денис Викторович.
Д72 Почти родственники / Денис Драгунский. – Москва : Издательство АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2017. – 480 с. – (Проза Дениса Драгунского).

ISBN 978-5-17-104877-8

Короткие динамичные новеллы Дениса Драгунского с неожиданной развязкой, парадоксальные заметки о литературе и жизни и письма, адресованные романтическим читательницам, помогут по-другому взглянуть на собственные проблемы, переоценить свои успехи и провалы и даже построить новые жизненные планы.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-104877-8

© Драгунский Д.В.
© ООО «Издательство АСТ»

мамина дочка

Четверг пятница суббота

Сидоров эту неделю болел и не ходил на работу. Днем в среду он прилег вздремнуть, а часов в пять проснулся от того, что в комнате кто-то был. Он осторожно приоткрыл глаза. У книжных полок, спиной к нему, стояла молодая женщина. Блондинка со средне-миленькой фигуркой. Она водила пальцем по корешкам книг. Сидоров помотал головой: сон, наверное. Он никому не давал ключи от своей квартиры, никогда.

Но она не исчезла. Продолжала ходить по комнате, видел Сидоров из-под ресниц. Вот она стала в профиль. И личико тоже миленькое. Лет двадцать пять, самое большее. Не накрашенная. В тонких очках. На столе стояла ее сумочка.

Сидоров кашлянул. Она повернулась к нему.

— Вы кто? — спросил он как можно веселее и сбросил плед: он был в одежде, в джинсах и просторной домашней рубашке.

— Не вставайте, — сказала она и вытащила из сумки пистолет. — Закройте глаза.

Сидоров почувствовал, что он не хочет вскакивать, выбивать оружие у нее из рук, бить окно, звать соседей или милицию. Он только спросил:

Денис Драгунский

— Это правда?

— Да, — сказала она.

— Обязательно сегодня?

— Нет, не обязательно, — она вытащила из сумки розовый ежедневник, ухватила ленточку закладки, раскрыла. — Ну, когда вы хотите?

— Давайте в понедельник, — сказал он.

— А почему? Я должна спросить, почему. Так полагается.

— Сегодня среда, — сказал Сидоров. — Уже не считается. Я хочу, чтоб у меня было три чистых дня. Четверг, пятница, суббота. А в воскресенье я уже буду ждать. Можно?

— Пожалуйста, — она спрятала в сумку пистолет и ежедневник. — До свидания.

И пошла к двери.

— Постойте! — крикнул Сидоров; она остановилась, обернулась. — А можно было попросить через месяц?

— Можно было, — сказала она. — Максимум сорок дней.

— А сейчас, значит, уже нельзя? — у него дыхание остановилось.

— По правилам, нельзя, — она улыбнулась. — Но для вас я могу сделать исключение. Но я вам не советую. Это будет очень тяжелый месяц. Вы начнете суетиться. Пытаться что-то доделать или переделать. Пить. Молиться. Лечиться. Уезжать далеко. Или сидеть, не шевелясь. Но ведь это ничего не меняет!

— Откуда вы такая умная? — спросил Сидоров.

— Мне мама рассказала, — простодушно ответила она.

— Мама?

— Ну да, у нас семейный бизнес. До свидания.

— Погодите, — сказал он. — Поцелуйте меня.

— Я на обед ела греческий салат, — сказала она. —

От меня луком пахнет.

Сидоров обнял ее и силой поцеловал. Они сделали все, не раздеваясь, а потом побежали вниз, в кафе, хорошо поужинали, выпили вина, вернулись и снова повалились на диван, поверх пледа. Потом расстелили простынку. Сидоров задал ей жару, показал, на что способен опытный сорокалетний мужик, она визжала, стонала, шептала *спасибо спасибо спасибо*, выворачивалась так, этак и по-всякому, просила еще, преданно целовала ему грудь, живот и ниже, дрожала, говорила, что больше сил нет, а Сидоров потрепал ее по затылку, откинулся на подушку и поглядел в потолок.

— Тебе хорошо? — спросил более по привычке.

— Но это ничего не меняет, — сказала она. — Понедельник.

Голая встала, подошла к столу и раскрыла сумочку.

стеклянные двери

Плохой мальчик

Жил-был мальчик. Он был плохой. Он любил немного выпить, плотно закусить, чиркнуть спичкой, выпустить облачко душистого трубочного дыма и лениво оглядеться, мурлыча циничный немецкий стишок:

*Nach dem Essen man muss rauchen,
Oder eine Frau gebrauchen...*

Денис Драгунский

Уже противно, правда?

Мальчик был богатый. Хотя родители не баловали его шмотками и карманными деньгами, он имел замечательный ресурс — роскошную по тем временам квартиру в роскошном доме с роскошным стеклянным подъездом. В котором сидел пусть не роскошный, но вполне реальный консьерж. И строго спрашивал: «Вы к кому?»

Плохой богатый мальчик, указывая на хорошую бедную девочку, говорил: «Со мной».

Консьерж распахивал дверь лифта. Просто так, подыгрывая мальчику.

Бедная девочка была, что называется, готова.

Невдомек ей было, что плохой мальчик позвал ее только лишь затем, чтобы сорвать цветы удовольствий, а также — да не покажется это странным! — мистически наказать своего скупого папу, который не покупал ему модных джинсов и почти не давал карманных денег.

«Вот ты жадный старик, — говорил в уме плохой мальчик, — ну и сиди на своих червонцах, ну и езжай с мамой и сестренкой на дачу. А я тут буду срывать цветы удовольствий, о которых тебе, жадному старику, уже и не мечтается».

Большинство знакомых плохого мальчика составляли девочки. И большинство девочек составляли бедные девочки. Плохой мальчик помнил про папашу Карамазова и его завет насчет *мовешек*. Мовешку прежде всего надобно удивить!

И она удивлялась красоте и простору плохо-мальчиковой обители, картинам, книгам, разным мелким забавкам. Вроде томика Платона по-гречески, кото-

рый лежал на диване в комнате плохого мальчика, заложенный длинной трубкой загадочного мастера Янкелевича. Плохой мальчик рассказывал о различиях между Янкелевичем и «Три Би», Платоном и Плотинном, плотью и духом.

Хорошей девочке казалось, что она попала в некую сказку. Или даже как бы в кино. В экран.

Плохому мальчику казалось примерно то же самое. Он чувствовал себя *либертином*, хотя слов таких не знал и подразумеваемого маркиза не читал. Но он ощущал всем собою, как приятно властвовать и сладострастничать, ни за что не отвечая и ничего не боясь. О, восторг вседозволенности и безнаказанности! О, счастье всемогущества на крохотном пятачке пространства и куцем отрезке времени, которые, натурально, переживались как бесконечность и вечность.

золотая молодежь

Плохой мальчик — 2

Данный плохой мальчик относился к т.н. *gilded youth*, но с некоторой натяжкой. Дело опять же в карманных деньгах и модных шмотках. Он наблюдал настоящую золотую молодежь, а с некоторой ее частью даже дружил. У этих друзей-приятелей всегда были деньги — а значит, они могли водить девочек в кафе или покупать выпивку, не отдувая табачных крошек от тусклых пятнашек. У них была модная одежда — а значит, они отлично себя чувствовали в любом публичном месте или частном сборище. Но в этом таилась их гибель!

Во-первых, эта золотая молодежь почему-то («Но почему?!» — восклицал в уме плохой мальчик) видела главную радость в обильной выпивке и самом факте сидения в кафе. Плохой же мальчик, по финансовым резонам лишенный этого, сосредоточен был на цветах удовольствий как таковых, в их первозданном виде. И с легкой насмешкой слушал рассказы о том, что *«так нажрались, так нажрались, что девки нас потом едва в такси запихнули и по домам развезли»*. Он спрашивал: а как вообще обошлись с девками? На что получал ожидаемый ответ: «Да какое там, да при чем тут, когда Эдик (Гарик) такую граппу спер у своего папы! Ух, нажрались!» Что вызывало у плохого мальчика несочувственное понимание, что золотая молодежь не там ищет радостей. Сам он, во всяком случае, говорил о себе: «Я не жрец Бахуса, я жрец Венеры!»

Во-вторых, золотая молодежь состояла не только из богатых мальчиков, но из богатых девочек тоже. Больше того: богатые мальчики были убеждены, что кадриться-романиться, а также ходить в кафе, устраивать вечеринки и заставляя себя пьяных запихивать в такси и развозить по домам, — что все это делать надо непременно с богатыми девочками. То есть с ровней. Что совершенно меняло ситуацию.

Папаша Карамазов, как мы помним, говорил, что мовешку надо перво-наперво *удивить*. Что этакий князь до нее снизошел. Но чем удивишь богатую девочку? Которая к тому же не очень хорошая, потому что отлично знает, как устроены мелкие понты типа наливать армянский коньяк в бутылку из-под «Курвуазье» — ибо ее папа так всегда делает. А мама дома ку-

рит «Яву», а в театр берет «Уинстон». Кроме того, древний стайный инстинкт не велит обижать особей одной крови. Да и особь не очень-то даст себя в обиду, потому что плохая девочка за себя постоять умеет.

В результате в смысле срывания цветов удовольствий центральная, главная часть золоченой молодежи несколько проигрывала ее маргинальной части, к коей принадлежал описываемый плохой мальчик.

очень жаркий день

Плохой мальчик — 3

Бедные хорошие девочки влюблялись в него и были готовы на все.

Он, бывало, капризничал.

Одну из них он однажды просто выпроводил, неизвестно почему. В самый вроде бы долгожданный момент сказал: «Пожалуй, тебе лучше уйти».

Она опустила руки, опустила глаза и побрела к двери. Но позвонила с дороги, из телефона-автомата, и сказала: «Ты все равно очень хороший». Она заблуждалась. Потому что плохой мальчик был не просто плохой, а очень плохой.

Потому что через пару недель он позвонил ей и сказал: «Приезжай». Она сказала в трубку: «А ты меня снова не выгонишь?» Он сказал: «Посмотрим, поглядим...»

Она приехала. Было лето. Июль. Стояла страшная жара.

Хорошая девочка была одета во все *новое-красивое-ни-разу-не-надёванное*, плохой мальчик это сразу увидел, когда она начала раздеваться. Он даже не сказал ей: раз-

Денис Драгунский

девайся. Она тоже ничего не сказала. Было так жарко, что говорить невозможно. Он показал рукой, пошевелил пальцами. Она разделась. Она была прекрасна и крупна, с чуть грубоватой кожей. Она была невинна. Ей было больно. Она заплакала. Потом проглотила слезы и улыбнулась. Потом плохой мальчик снова молча и неопределенно показал рукой. Она стала одеваться. Потом недолго посидела на краю дивана, ловя рассеянный взгляд плохого мальчика. Встретившись с ним глазами, она вопросительно подняла брови. Плохой мальчик кивнул и прикрыл глаза. Она встала и тихонько вышла из комнаты. Плохой мальчик слышал, как она молча стоит в прихожей. Потом она отворила дверь и вышла из квартиры. Закрyla за собой дверь, осторожно прищелкнув замок. Слышно было, как загудел лифт, поднимаясь кверху. Как она вошла в лифт, как стукнула тяжелая решетчатая дверь, как лифт поехал вниз.

Не удостоив человечество накинуть на свои чресла хоть полотенце, плохой мальчик вышел на балкон и увидел, как она выходит из подъезда, оглядывается, соображая, в какую сторону идти, а потом скрывается за углом.

Его позабавило, что они так и не сказали друг другу ни слова.

правила и нормы

Плохой мальчик — 4

Плохого мальчика забавляло также уходить от хорошей девочки к другой — такой же хорошей — на глазах предыдущей. Он наблюдал выражения лиц.

С одной хорошей бедной девочкой он любил заниматься любовью у нее на коммунальной кухне, полутемной, огромной, в низком деревянном доме, — в то время как в углу грохочет кастрюлями слепая соседка. Девочка робела. Плохому мальчику было забавно, а значит, хорошо.

Плохой мальчик любил так подстроить, чтобы хорошая девочка осталась ночевать у его товарища, а потом сказать: «Ну, что ж, моя дорогая, успехов тебе... я не моралист, но все же верю: любовь и честь — не пустые слова, да-с, не пустые!» Девочка рыдала и клялась, что ничего, ну вот ничегошеньки не было — но плохой мальчик пожимал плечами, поворачивался и уходил, в душе хоча inferнальным смехом.

Данный плохой мальчик был, однако же, не совсем плохим. Смешно сказать, но и у него были свои моральные принципы и запреты, если так можно выразиться касательно этого аморального типа.

Например, он никогда не *заставлял* хороших девочек что-нибудь делать для себя — начиная от самих удовольствий и кончая какими-то услугами, какими-то передвижениями предметов в пространстве. Не напирал, не давил авторитетом, не уламывал настырными уговорами и, уж конечно, не пугал, не кричал, не махал кулаками, не обзывал плохими словами и не угрожал ужасными последствиями неповиновения. Фу, какая гадость!

Если он и сводил со своими приятелями хороших девочек, то делал это под соусом полной добровольности, собственного их желания или рокового стечения обстоятельств. Но никогда не шантажировал хороших девочек, не говорил: «А то все про всё узнают...» Фу, какая подлость!

Денис Драгунский

Он никогда не обманывал хороших девочек в том смысле, что не объяснялся в любви, не обещал жениться и вообще ничего не сулил. Фу, какая пошлость! Вообще же плохого мальчика нельзя было поймать за язык. Сказать: «Но ты же говорил мне!»

И уж конечно, он никогда не издевался над чувствами хороших девочек в прямой и неприкрытой форме. Например, не ел яблоко, глядя в окно, покуда хорошая девочка дарит ему свою любовь. Фу, какая низость! Самое низостное, на что он был способен, — описанное в предыдущем параграфе свидание без единого слова.

Впрочем, и этот случай объяснялся просто — встречи с хорошей девочкой происходили на фоне отношений с *другой* девочкой (довольно, кстати, неважнецкой), на фоне взлетов и падений *другого*, утомительного и обидного романа.

Такой вот он был, плохой мальчик в слегка уточненной версии.

простите, это вам приснилось

Плохой мальчик — 5

Сказанное выше, разумеется, не означает, что все как одна хорошие бедные девочки были такие вот, готовые безоглядно отдаться плохому мальчику под гипнозом его (на самом деле не его, а родительского!) житейского антуража и якобы изысканных манер.

Нет, конечно же! Но плохой мальчик выбирал себе именно таких. И думал, что всегда так будет. Всегда будет несколько влюбленных мовешек, а он знай себе будет тыкать пальцем: «Сегодня — ты. Если будешь хорошо себя вести». Ну, не прямо вот так, открытым текстом, но смысл все равно такой.

В общем, плохой мальчик воспринимал хорошую девочку как функцию, как роль, как лужайку, на которой можно резвиться, срывая цветы удовольствий.

Но при этом сам нечувствительно, но опасно для своей души превращался в точно такую же функцию, роль и лужайку. В декорацию.

Тому были подтверждения. Однажды плохой мальчик подслушал разговор о себе. Одна хорошая девочка спросила другую, тоже хорошую:

— Говорят, тебя видели с ПМ, правда?

— Правда.

— Ты у него была?

— Была.

— Он тебе нравится?

— Не знаю, — ответила хорошая девочка хорошей девочке. — Что значит *нравится*?

— Ну, в смысле влюбилась?

— Да ты что... Так, просто как будто в театре побывала, и все.

Плохой мальчик понял, что он тоже, оказывается, был актером в чужом спектакле. Кусочком фантазий хорошей бедной девочки. А не господином момента, владыкой вечности и повелителем чувств.

Проще говоря, он снился хорошей девочке.

Он был не он, а ее сон.